

ДАНИЭЛА СТИЛ

Ты меня
не забывай



ЭКСМО
МОСКВА
2013

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
С 80

Danielle Steel
TO LOVE AGAIN

Copyright © 1980 by Danielle Steel

Оформление серии художника *Е. Савченко*

Оформление обложки художника *В. Щербакова*

Перевод с английского *Н. Изотовой*

*Ранее книга издавалась под названием
«Вернись, любовь»*

Стил Д.
С 80 Ты меня не забывай / Даниэла Стил ; [пер. с англ. Н. Изотовой]. — М. : Эксмо, 2013. — 352 с. — (Даниэла Стил. Мировой мега-бестселлер).

ISBN 978-5-699-66749-9

Амадео и Изабелла всегда были неразлучны. Он — наследник знаменитого элитного дома мод, она — талантливейший дизайнер, внучка короля парижского бомонда. Совместная работа была для них источником вдохновения и жизненной силы. Казалось, их брак был заключен на небесах. Но жизнь приготовила влюбленным страшное испытание: однажды Изабелле позвонил незнакомец и сообщил, что Амадео похитили террористы...

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

ISBN 978-5-699-66749-9

© Изотова Н., перевод на русский язык, 2013
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Глава 1



В каждом городе есть время года, близкое к идеальному. Оно бывает после летней жары до наступления зимних холодов, прежде чем начнешь мечтать о снеге и дожде. В момент, когда воздух становится прохладнее, все кажется кристально ясным, а небо все еще ярко-голубое, но уже приятно вновь облачиться в шерстяные наряды и прохожие движутся быстрее, чем раньше. Когда сентябрь сменяется октябрём, наступает время оживать, строить планы, действовать, жить. Женщины выглядят красивее, мужчины чувствуют себя лучше, и даже дети снова приободряются, возвращаясь в свои школы в Париже, Нью-Йорке или Сан-Франциско. И, возможно, это особенно сильно ощущается в Риме. Люди приезжают домой после ленивых летних месяцев, проведенных в дребезжащих старых такси, спующих от центральной площади до Марина Риккола на Капри, посвежев после ванн в Ичия, отдыха в Сан-Ремо или на общественном пляже в Остии. Но в конце сентября летний сезон заканчивается и наступает осень. Деловой месяц, прекрасный месяц, когда приятно уже от того, что живешь.



Изабелла ди Сан Грегорио — красавица с темными сияющими глазами и блестящими черными волосами, удерживаемыми двумя черепаховыми гребнями, сидела на заднем сиденье лимузина и, улыбаясь, наблюдала за прохожими, спешащими по улицам. Движение в Риме было, как всегда, ужасающим. Она привыкла к нему, прожив там всю жизнь, за исключением редких визитов к родственникам матери в Париж и времени, проведенного в Штатах, когда ей был двадцать один год. Через двенадцать месяцев она вышла замуж за Амадео и стала легендарной личностью, королевой римской моды. Изабелла от рождения была принцессой в этом королевстве, а после замужества возвысилась еще больше, но ее известность была завоевана собственным талантом, а не только приобретением фамилии Амадео. Амадео ди Сан Грегорио был наследником дома ди Сан Грегорио — святая святых римской моды, вершины престижа и изысканного вкуса в вечном всемирном соперничестве женщин, обладающих огромными средствами и желаниями. Сан Грегорио — святое слова для божественных дам, а имена Изабелла и Амадео — самые священные из всех. Он — великолепный зеленоглазый флорентиец с золотистыми волосами, унаследовавший Дом моды в тридцать один; она — внучка Жака-Луи Пареля, короля парижской моды с тысяча девятьсот десятого года.

Отец Изабеллы был итальянцем, но ему всегда нравилось говорить, что в ее жилах течет истинно французская кровь. От своего деда она унаследовала французские вкус, стиль, идеи и чувства. В сем-



надцать лет она знала о высокой моде больше, чем большинство мужчин, занимающихся этим делом, в сорок пять. Мода вошла в ее кровь и плоть. Она обладала сверхъестественным даром, позволившим ей создавать новые оригинальные модели, и блестящим ощущением цветовой гаммы, а многолетнее изучение коллекций деда вооружило ее знанием того, что сработает, а что нет. Когда, достигнув восьмидесятилетнего возраста, он в конце концов продал дом моделей Пареля какой-то американской корпорации, Изабелла поклялась, что никогда не простит его.

Она, конечно же, простила. И все же, если бы он только подождал, если бы он знал, если бы... Но тогда бы она жила в Париже и никогда не встретила Амадео. В двадцать два года она открыла свою крошечную студию моды в Риме. Понадобилось шесть месяцев, чтобы их пути пересеклись, шесть недель, чтобы их сердца определили их будущее, и всего через три месяца после этого Изабелла стала женой Амадео и ярчайшей звездой на небесах Дома моды Сан Грегорио. В течение года она заняла место главного модельера, место, о котором только мог мечтать любой модельер.

Изабелле можно было позавидовать. У нее было все: элегантность, красота, корона успеха, которую она носила с небрежной простотой, словно шляпку от Борсалино, и стиль, который мог заставить всех присутствующих замереть и, не отрываясь, смотреть на нее, — уже в девятнадцать лет. Изабелла ди Сан Грегорио являлась истинной королевой, но в ней было и нечто большее. Задорный смех, внезапная

вспышка алмазов в темных, как оникс, глазах, прекрасное знание людей, способность угадывать их прошлое, настоящее и будущее. Изабелла была очаровательной женщиной в восхитительном мире.

Лимузин замедлил ход в дорожной пробке у площади Новона. Изабелла мечтательно откинулась на сиденье и закрыла глаза. Рев гудков и брань приглушали плотно закрытые окна машины, к тому же она давно привыкла к звукам Рима, чтобы они могли потревожить ее. Шум города не только нравился, но и возбуждал ее, став неотъемлемой частью существования, так же как бешеный ритм ее бизнеса. Жизнь казалась невозможной без того и другого. Именно поэтому она бы никогда не отказалась от своей деловой жизни, хотя в прошлом году ей пришлось часть времени уделить домашним заботам. Когда пять лет назад родился Алессандро, работа была главным в ее жизни. Весенняя выставка моделей, угроза шпионажа от конкурирующего Дома моды, разработка моделей готовой одежды для экспорта в Штаты, решение пополнить коллекцию мужской одеждой, косметикой, духами и мылом. Все имело для нее огромное значение. Она не могла бросить свое дело даже ради ребенка Амадео. Работа была для нее источником жизненной силы, ее мечтой. Но проходили годы, и ее душу все больше терзали угрызения совести, острая тоска, чувство одиночества, когда она возвращалась домой в половине девятого, а ребенок уже спал, уложенный в постель няней, а не ею.



— Это беспокоит тебя, не так ли? — Амадео наблюдал за тем, как она задумчиво сидела в обтянутом серым атласом кресле в углу гостиной.

— Что? — рассеянно спросила она с усталым и встревоженным видом.

— Изабеллецца... — Иза прекрасная. У нее всегда вызывало улыбку такое обращение. Он с самого начала называл ее этим именем. — Поговори со мной.

Она робко улыбнулась ему и глубоко вздохнула.

— Я и так говорю.

— Я спросил, очень ли тебя беспокоит то, что ты мало проводишь времени здесь с ребенком.

— Иногда. Я не знаю. Это трудно объяснить. Иногда нам одиноко вместе. По воскресеньям, когда у меня есть время. — Крошечная слезинка скатилась из сияющего темного глаза, и Амадео протянул к ней руки. Она с готовностью устремилась в его объятия и улыбнулась сквозь слезы. — Я ненормальная. У меня есть все. Я... Почему эта проклятая нянька укладывает его спать до нашего возвращения домой?

— В десять часов?

— О нет, еще только... — Она с раздражением взглянула на часы и поняла, что он прав. Они ушли с работы в восемь, заскочили «на минутку» в «Хаслер» поцеловать свою любимую американскую клиентку и... вот уже десять часов. — Черт подери. Действительно слишком поздно. Но обычно мы возвращаемся домой в восемь, а он уже спит. — Она бросила сердитый взгляд на Амадео, и тот мягко засмеялся, держа ее в своих объятиях.

— Чего же ты хочешь? Чтобы он стал одним из тех детей, которых в девять лет кинозвезды таскают на коктейли? Почему бы тебе не проводить поменьше времени на работе?

— Я не могу.

— Ты не хочешь.

— Да, не хочу... нет, ну я не знаю. — Они оба рассмеялись. Это была правда. Ей хотелось быть с Алессандро, пока незаметно не подошло время, когда ему вдруг стукнет девятнадцать, и она упустит свой шанс. Она видела, как это происходило со многими женщинами, увлеченными карьерой. Они думают, собираются, хотят, но так никогда ничего не делают. Несостоявшиеся поездки в зоопарк, походы в кино, музеи, мгновения, которые они собирались разделить со своими детьми, но звонили телефоны, ждали клиенты. Важные события. Она не желала, чтобы такое случилось с ней. Общение с сыном не имело большого значения, когда он был младенцем. Но теперь другое дело. Алессандро исполнилось четыре года, и он очень скучал, общаясь с ней не больше двадцати минут в день или вообще не видя ее по нескольку недель, особенно когда они с Амадео разрабатывали очередную коллекцию или готовили новую линию для Штатов.

— У тебя несчастный вид, любимая. Хочешь, чтобы я тебя уволил? — К изумлению Амадео, да и к своему собственному, она кивнула. — Ты серьезно? — По глазам было видно, что он шокирован.

— Отчасти. Надо сделать так, чтобы я работала не весь день и могла чуть больше времени прово-



дить здесь. — Она посмотрела на окружавшее ее великолепие, думая о ребенке, которого не видела весь день.

— Хорошо. Мы что-нибудь придумаем, Беллецца.

И они придумали. Все сложилось идеально. Вот уже восемь месяцев, как ее назначили главным консультантом по разработке моделей в Доме моды Сан Грегорио. Она принимала все те же решения и ко всему прикладывала свою руку. Присутствие Изабеллы чувствовалось в каждой модели, продаваемой Сан Грегорио. Но она отошла от рутины бизнеса, от бесконечных повседневных дел. Часть забот взял на себя их любимый директор, Бернардо Франко, а для воплощения идей Изабеллы в конкретные модели пришлось нанять еще одного модельера. Изабелла присутствовала на основных заседаниях, подробно обсуждала все проблемы с Амадео в течение одного длинного рабочего дня в неделю и заглядывала в офис всякий раз, когда у нее где-то поблизости намечалась встреча. Теперь она впервые действительно чувствовала себя матерью Алессандро. Они вместе завтракали в саду. Она водила его в парк и разучивала детские стишки на английском и забавные маленькие песенки на французском. Изабелла смеялась и бегала с вместе с сыном, раскачивала его на качелях. У нее было все самое лучшее в мире: работа, муж и ребенок. Никогда в жизни она не чувствовала себя более счастливой. Это было видно во всем: в сиянии глаз, в походке, в смехе и во взгляде, с которым она встречала возвращающегося домой Амадео. Счастье сквозило в ее беседах с друзьями, которым она рас-

сказывала о последних успехах Алессандро: «И бог мой, как этот ребенок умеет рисовать». Все были в восторге. А больше всех Амадео, желавший видеть ее счастливой. После десяти лет супружества он все еще обожал ее. По правде говоря, даже еще больше, чем прежде. Их бизнес по-прежнему процветал, несмотря на некоторое изменение распорядка. Изабелла никогда не смогла бы полностью удалиться от дел. Это просто было не в ее стиле. Ее присутствие чувствовалось повсюду, как нежный звон идеально сделанного хрустального колокольчика.

Лимузин остановился у тротуара, и Изабелла бросила последний взгляд на прохожих на улице. Ей нравилось то, что носили женщины в этом году. Одежда стала более сексуальной и женственной. Она напоминала ей модели, когда-то сделанные ее дедом. Вид современных нарядов доставлял ей удовольствие. Сама она вышла из машины в шерстяном платье цвета слоновой кости, искусно задрапированном в каскад мельчайших, безукоризненно выполненных складок. Три длинные нити крупного жемчуга обрамляли ее шею и скрывались в глубине мягко задрапированного выреза. На руке она держала короткий норковый жакет шоколадного цвета, заказанный в Париже у скорняка, когда-то работавшего у Пареля. Но она слишком торопилась, чтобы надевать его. Ей хотелось обсудить с Амадео некоторые возникшие у нее в последний момент идеи насчет американской коллекции перед встречей с подругой на ленче. Она взглянула на золотые часы на

запястье: по циферблату загадочно плавали сапфир и бриллиант, показывая точное время только посвященным. Было двадцать две минуты одиннадцатого.

— Спасибо, Энцо. Я выйду без пяти двенадцать.

Держа дверцу одной рукой, шофер прикоснулся к фуражке другой и улыбнулся. Теперь работать на нее стало очень легко, и ему нравились частые поездки на машине с маленьким мальчиком. Это напоминало ему о собственных внуках, семеро из которых жили в Болонье, а пятеро — в Венеции. Иногда он навещал их. Но его домом был Рим. Так же как для Изабеллы, несмотря на то что ее мать была француженкой и она целый год прожила в Штатах. Рим был частью ее самой: она здесь родилась, живет и, наверное, умрет. Она, как и все итальянцы, знала, что римляне не могут жить ни в каком другом месте. Решительно шагая по тротуару к старинному зданию с тяжелой черной дверью, она, как всегда, бросила взгляд вдоль улицы, чтобы узнать наверняка, здесь ли Амадео, припаркован ли у тротуара его длинный серебристый «Феррари», который она называла серебристой торпедой. Никто, кроме Амадео, не прикасался к автомобилю. Все подтрунивали над ним из-за этого, и больше всех Изабелла. Он возился с ним, как маленький мальчик с игрушкой, и ни с кем не хотел делиться. Он сам водил, парковал, ухаживал и играл с машиной, только сам. Даже швейцар, работавший там уже сорок два года, никогда не дотрагивался до нее. Изабелла улыбнулась про себя, подходя к внушительной черной двери. Временами

Амадео вел себя как мальчишка; за это она еще больше любила его.

— Добрый день, синьора Изабелла. — Только Чиано, похожий на дедушку швейцар в черной с серым livрее, называл ее так.

— Привет, Чиано. Как жизнь? — Изабелла широко улыбнулась ему, блеснув столь же красивыми, как и ее жемчуга, зубами. — Все в порядке?

— Все прекрасно, синьора, — ответил он мелодичным густым баритоном, с поклоном распахивая перед ней тяжелую дверь.

Дверь беззвучно закрылась, она мгновение постояла в вестибюле, оглядываясь. Это был ее дом так же, как вилла на Виа Аппиа Антика. Идеальные полы из розового мрамора, серый бархат и розовые шелка, хрустальная люстра, привезенная из Дома моды Парели в Париже после долгих переговоров с американским владельцем. Ее изготовили в Вене по заказу деда, и она была практически бесценной. Пологая мраморная лестница вела к основному салону наверху. На третьем и четвертом этажах располагались офисы, отделанные в тех же серо-розовых тонах цвета пепла и лепестков роз. Это сочетание радовало глаз так же, как и тщательно подобранные картины, старинные зеркала, элегантные светильники, маленькие кресла-диваны на двоих в стиле Людовика XVI, расставленные в нишах, где заказчицы могли отдохнуть и поболтать. Повсюду сновали девушки в серых форменных платьицах, чуть слышно шурша накрахмаленными белыми передниками, разнося чай и бутерброды в отдельные кабинеты наверху, где

клиентки с трудом выдерживали утомительные примерки, поражаясь терпению манекенщиц во время демонстрации моделей. Изабелла задержалась на мгновение, оглядывая свои владения.

Она вошла в частный лифт, нажала кнопку четвертого этажа, прокручивая в голове планы на утро. Ей оставалось сделать совсем немного; к собственному удовлетворению, она уладила большинство текущих дел еще вчера. Предстояло проработать детали моделей с Габриэлой, главным модельером, и обсудить административные вопросы с Бернардо и Амадео. Сегодняшняя работа займет совсем немного времени. Двери бесшумно раскрылись, открывая взору длинный холл, застланный серым ковром. Все в Доме моды Сан Грегорио было продумано до мелочей и не должно было бросаться в глаза. Но только не Изабелла. Она всегда была яркой, великолепной и заметной. Она была женщиной, которую замечали и хотели видеть, женщиной, с которой можно было появиться в свете. Но Дом Сан Грегорио служил фоном для демонстрации красоты, он не должен был затмевать того, что они хотели показать. Несмотря на прелесть здания семнадцатого века, когда-то принадлежавшего принцу, изделия Сан Грегорио были слишком великолепны, чтобы их могло превзойти что-либо или кто-либо. Изабелла создавала идеальное сочетание замечательных моделей, необычного дизайна и бесподобных тканей для женщин, умевших преподнести их наряды. Она знала, что где-то в Штатах, в Париже или в Милане женщины, носившие их готовую одежду, вовсе не походили на

дам, приходивших в этот особняк. Здесь появлялись графини, принцессы, актрисы, известные писательницы, звезды телевидения, знаменитые и благородные дамы, которые могли убить или умереть из-за моделей от Сан Грегорио. Многие из них были импозантными, чувственными, великолепными, как и сама хозяйка салона.

Изабелла молча прошла к двойным дверям в конце длинного холла, нажала на отполированную до зеркального блеска латунную ручку и возникла, как видение, перед столом секретарши.

— Синьора! — удивленно воскликнула девушка, увидев ее. Никто никогда не знал точно, когда она появится и что взбредет ей в голову. Но сегодня Изабелла только кивнула, улыбнулась и сразу же прошла к кабинету Амадео. Она знала, что он там, так как видела его машину. К тому же, в отличие от нее, он редко заходил на другие этажи. Амадео и Бернардо в основном сидели в своих кабинетах наверху, только Изабелла тихонько заглядывала повсюду, бродила по этажам, неожиданно появлялась в комнатах манекенщиц, в коридорах возле частных примерочных, в главном салоне с длинным подиумом, обтянутым серым шелком, который приходилось очень часто заменять, что было источником постоянного раздражения Бернардо. Именно он следил за всеми денежными делами в Доме моды. Будучи президентом и главным финансистом, Амадео планировал бюджет, а Бернардо приходилось справляться с ним, следя, чтобы ткани и бисер, перья и изумительные маленькие украшения вписывались в установленные Ама-

део лимиты. И они всегда укладывались в смету, Дом моды многие годы существовал прилично, а иногда и просто великолепно. Благодаря капиталовложениям Амадео и умелому обращению с финансами Бернардо они процветали. А производя гениальные модели Изабеллы, они не только процветали, но и преуспевали. Но именно Бернардо связывал воедино мир дизайна и финансов. Он размышлял, взвешивал, продумывал, планировал, подсчитывал, во что им обойдется подготовка коллекции и стоит ли игра свеч. И до сих пор он никогда не ошибался. У него имелось чутье и гениальность, и Изабелла представляла его матадором, гордым, напористым, решительным, размахивающим красным атласом перед мордой быка и всегда побеждающим. Ей нравился стиль его работы, и она любила его. Но не так, как Бернардо любил ее. Он же любил ее всегда, всю жизнь, с тех пор, как впервые встретил.

Бернардо и Амадео дружили много лет и работали вместе в Доме моды Сан Грегорио еще до того, как появилась Изабелла. Именно Бернардо нашел ее в крошечном ателье в Риме. И это он настоял, чтобы Амадео зашел посмотреть ее работу, встретился, поговорил, и, возможно, даже убедил ее перейти работать к ним. Она уже тогда была выдающейся, поразительно красивой и невероятно молодой. В двадцать два она была гением дизайна. Когда они приехали в ее студию, она встретила их в красной шелковой блузке с белой льняной юбкой и маленьких золотых босоножках. Девушка выглядела как бриллиант, вставленный в любовно выбранную оправу. Стояла